

ЮРИЙ НИКУЛИН

Материал подготовили к печати
нештатный корреспондент Евгений НИФАШЕВ
и журналист Сергей АКСЕНОВ, "В курортном городе С."

В СЕСТРОРЕЦКЕ

Недавно ушел из жизни один из самых популярных в стране артистов - Юрий Владимирович Никулин. Родился он 18 декабря 1921 года в Демидове (ныне Поречье) Смоленской области.

Мы уверены, что великий артист остается с нами - в воспоминаниях наших, на кинолентке - в замечательных фильмах "Кавказская пленница", "Бриллиантовая рука", "Операция Ы...", "Когда деревья были большими" и многих других, а также в записях телепередач и, наконец, в своих книгах "Анекдоты от Никулина" и "Почти серьезно..." (воспоминаниях о своей жизни).

Для сестроречан этот смолянин близок и тем, что много трудных дней провел он на службе в армии в частях, которые находились под Сестроречком. Об этом периоде жизни рассказал сам Никулин в главе "Семь долгих лет", - в течение которых он служил в армии, участвовал в двух войнах и прошел путь от рядового до старшего сержанта. Наверное, частица души этого солдата отражена в знаменитом образе солдата Василия Теркина в эпосе "Василий Теркин" А. Т. Твардовского. Мало кому известно, что впервые этот народный герой появился в стихах поэта во фронтовой печати во время советско-финской войны 1939-1940 годов. Мы не знаем, встречался ли тогда Твардовский с Никулиным, но дух Теркина "стучал в сердце" солдата Никулина. Это видно из его воспоминаний.

Отрывки из этой книги "Почти серьезно..." мы и начинаем печатать в преддверии дня рождения Юрия Владимировича Никулина. Ведь 55 лет назад он был и нашим земляком, служил в Солнечном, Репино (в те годы Олилла и Куоккала).

Итак, москвич Юрий Никулин призван 18 ноября 1938 года в армию, поздно ночью с другими новобранцами прибыл в Ленинград, и на одной из станций пошли они в баню. "Когда я разделся, - пишет Никулин, - все начали хохотать. "Ну и фигура у тебя! Глиста в обмороке... Что тебя дома не кормили?" - Я, наверное, выглядел действительно смешным: тощий, длинный и сутулый".

А теперь отрывки из книги.

МЫ НЕ УЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА

Ночью нас привезли в Ленинград. Когда нам сообщили, что будем служить под Ленинградом, все дружно закричали "ура". Тут же, охлаждая наш пыл, нам объяснили:

- На границе с Финляндией - напряженная обстановка, город на военном положении.

Сначала шли по Невскому. Кругом тишина, лишь изредка проезжали машины с тусклыми синими фарами. Мы еще не знали, что город готовится к войне. И все нам казалось романтическим: затемненный город, мы идем по его прямым, красивым улицам. Но романтика быстро кончилась: от лямок тяжеленного рюкзака заболели плечи, и часть пути я буквально волок его за собой. Пришли на станцию Ланская, где прошли санобработку. Потом всем выдали шинели, гимнастерки, шлемы-буденовки, брюки галифе, кирзовые сапоги. Мы переоделись и с трудом узнавали друг друга. Подходит ко мне круглолицый парень и спрашивает:

- Ну, как дела?

А я молчу.

- Ты что, не узнаешь?! - и снял шлем.

Я смотрю, да это же мой сосед по теплушке. Как одежда меняет человека!

Через несколько дней всех распределили по разным подразделениям. Я попал во второй дивизион 115-го зенитного артиллерийского полка, где меня определили на шестую батарею. Она располагалась около города Сестроречка. Рядом Финский залив, недалеко река, лес.

Время от времени на батарее объявлялись учебные тревоги. Били железякой по рельсу, и тогда из всех землянок, одеваясь на ходу, бежали бойцы и занимали свои места. В центре огневой позиции стоял командир батареи с секундомером и проверял готовность к открытию огня.

На батарее не было водопровода; за водой ездили на машине. Когда подъезжали к колодцу на окраине Сестроречка, старослужащие уходили к знакомым женщинам, а нас, новичков, заставляли таскать воду. Им хорошо в теплом доме, а нам на холоде тяжко. И мы старослужащим завидовали, но на них не обижались. Старослужащий есть старослужащий, и новичок должен его уважать.

После того, как на батарее под Сестроречком в торжественной обстановке приняли присягу, мы стали полноправными бойцами.

В ЖИЗНИ РАЗ БЫВАЕТ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

На третий день войны после продвижения наших войск в глубь финской территории от нашей батареи выставили наблюдательный пункт в Куоккала (теперь станция Репино), на который послали семь человек старослужащих. Они, приезжая на батарею за продуктами, рассказывали, что финны покинули дома после первых же выстрелов. Старослужащие привезли с собой кипы книг на русском языке: собрания сочинений Дюма, Луи Буссенара, Майн Рида, Луи Жаколио и Генриха Сенкевича.

Командование нас предупреждало, что никакие продукты, найденные в финских домах, есть нельзя, они, мол, все отравлены. Поэтому все замерли, когда с наблюдательного пункта нам прислали бочонок с медом, взятый в одном из финских домов. Все стояли и смотрели на него со страхом. Обстановку разрядил длинный белобрысый разведчик Валя Метлов. Он зачерпнул мед столовой ложкой, отправил его в рот, а затем, облизнул ложку, авторитетно заявил:

- Не отравлено.

Через полчаса бочонок опустел. Никто не отравился.

Нам поручили протянуть линию связи от батареи до наблюдательного пункта. На мою долю выпал участок в два километра. И вот иду один на лыжах по льду Финского залива, за спиной - тяжелые катушки с телефонным кабелем. Не прошло и получаса, как почувствовал страшную усталость. Поставил катушки на лед, посидел немного и пошел дальше. А идти становилось все трудней. Лыжи прилипают к снегу. Я уж катушки на лыжи положил, а сам двинулся по колено в снегу, толкая палками свое сооружение. Вымотался вконец. Снова присел отдохнуть, да так и заснул. Мороз больше тридцати градусов, а я спал как ни в чем не бывало. Хорошо, мимо проезжали на аэросанях пограничники. Когда они меня разбудили, и я встал, ноги показались мне деревянными, чужими. Привезли меня на батарею.

- Да у тебя, Никулин, обморожение, - сказал после осмотра санинструктор.

Отлежался в землянке. Опухоль постепенно прошла. Исчезла краснота, но после этого ноги стали быстро замерзать даже при небольшом морозе.

Нашу часть оставили под Сестроречком.

Жизнь на батарее проходила довольно весело. Некоторые мои сослуживцы взяли из дому музыкальные инструменты: кто мандолину, кто гармошку, была и гитара. Часто заводили патефон и слушали заигранные до хрипа пластинки - Лидии Руслановой, Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина... Когда все собирались у патефона, то дело доходило чуть ли не до драки: одни - в основном ребята из села - требовали в сотый раз Русланову, а нам, горожанам, больше нравился Козин. А на соседней батарее где-то достали пять пластинок Леонида Утесова. Мы соседям завидовали.

Позже появились пластинки Клавдии Шульженко. Все с наслаждением слушали ее песню "Мама". Мне казалось, что эта песня про мою маму.

Так и проходили наши солдатские будни: учения, политинформации, боевая подготовка.

Кумирами для нас, бойцов, были актеры Петр Алейников, Михаил Жаров, Игорь Ильинский, Николай Крючков. Все мы любили Зою Федорову, Марину Ладынину, Любовь Орлову, Людмилу Целиковскую. Успехом пользовались картины "Трактористы", "Если завтра война", "На границе"...

Продолжение в следующем номере.

ЮРИЙ НИКУЛИН

В СЕСТРОРЕЦКЕ

Материал подготовили к печати
нештатный корреспондент Евгений НИФАШЕВ
и журналист Сергей АКСЕНОВ,
"В курортном городе С."

Продолжение. Начало в № 26

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ИЮНЯ

В ночь на 22 июня на наблюдательном пункте нарушилась связь с командованием дивизиона. По инструкции мы были обязаны немедленно выйти на линию связи искать место повреждения. Два человека тут же пошли к Белоострову и до двух ночи занимались проверкой. Они вернулись около пяти утра и сказали, что наша линия в порядке. Следовательно, авария случилась за рекой на другом участке.

Наступило утро. Мы спокойно позавтракали. По случаю воскресенья с Боруновым, взяв трехлитровый бидон, пошли на станцию покупать для всех пива. Подходим к станции, а нас останавливает пожилой мужчина и спрашивает:

- Товарищи военные, правду говорят, что война началась?

- От вас первого слышим, - спокойно отвечаем мы. - Никакой войны нет. Видите - за пивом идем. Какая уж тут война! - сказали мы и улыбнулись.

Прошли еще немного. Нас снова остановили:

- Что, верно, война началась?

- Да откуда вы взяли? - забеспокоились мы.

Что такое? Все говорят о войне, а мы спокойно идем за пивом. На станции увидели людей с растерянными лицами, стоявших около столба с громкоговорителем. Они слушали выступление Молотова.

Как только до нас дошло, что началась война, мы побежали на наблюдательный пункт.

Любопытная подробность. Ночью связь была прервана. А когда она снова заработала, то шли обычные разговоры: "Ахтырка", "Ахтырка"! Не видите ли вражеские самолеты?" ("Ахтырка" - наши позывные.) Так продолжалось почти три часа. Мы про себя подумали: "Неужели с утра в воскресный день началось очередное учение?" Нас без конца спрашивали: "Ахтырка"! Доложите обстановку..."

Прибегаем совершенно мокрыми на наблюдательный пункт и видим сидящего на крыльце дома сержанта Крапивина. Он спокойно курил. Заметив нас, спросил:

- Ну, где пиво?

- Какое пиво?! Война началась! - ошарашили мы его.

- Как? - переспросил Крапивин и кинулся к телефону.

Да, в нашем доме никто о войне ничего не знал: ни военные, ни гражданские. Эту весть принесли мы.

По телефону нам приказали: "Ахтырка"! Усилить наблюдение!"

Этого могли и не говорить. Мы и так все сидели с биноклями на вышке и вели наблюдение, ожидая дальнейших событий.

Именно в эту ночь с 22 на 23 июня 1941 года гитлеровские самолеты минировали Финский залив. На рассвете мы увидели "Юнкерсов - 88", идущих на бреющем полете со стороны Финляндии.

Наблюдатель Борунов доложил по телефону:

- "Бобруйск"! Тревога! Два звена Ю-88 на бреющем полете идут с Терийок на Сестрорецк.

С вышки нашего наблюдательного пункта видны гладь залива, Кронштадт, форты и выступающая в море коса, на которой стоит наша шестая батарея.

С тревогой следили мы за сводками Совинформбюро. Враг приближался к Ленинграду. Мы несли службу на своем наблюдательном пункте. Однажды на рассвете мы увидели, как по шоссе шли отступающие части нашей пехоты. Оказывается, сдали Выборг.

Все деревья вдоль шоссе увешаны противогАЗами. Солдаты оставили при себе только противогАЗные сумки, приспособив их для табака и продуктов. Вереницы измотанных, запыленных людей молча шли по направлению к Ленинграду.

Мы все ждали команду сняться с НП, и, когда нам сообщили с командного пункта, что противник уже близко, нам сказали:

- Ждите распоряжений, а пока держитесь до последнего патрона!

А у нас на пятерых три допотопные бельгийские винтовки и к ним сорок патронов.

До последнего патрона нам держаться не пришлось. Ночью за нами прислали старшину Уличука, которого все мы ласково называли Улич. Мы обрадовались, увидев его двухметровую фигуру. Он приехал за нами в тот момент, когда трассирующие пули пронеслись над головами и кругом рвались мины.

Возвращались на батарею на полторке. Кругом все горело. С болью мы смотрели на пылающие дома.

У Сестрорецка уже стояли ополченцы из рабочих-ленинградцев.

Вдоль реки в Сестрорецке гражданское население, в основном женщины, старики и подростки, рыло противотанковые рвы. По всей линии фронта, по всему перешейку возводились долговременные огневые точки. Чувствовалося - предстоит длительная оборона.

В первые дни войны на нашу территорию забрасывались немцы, переодетые в форму работников милиции, советских военных, железнодорожников. Многих из них ловили.

Рассказывали, произошел и такой случай. Немец, переодетый в советскую военную форму, шел по Сестрорецку. На него неожиданно из-за угла вышел советский генерал. Немец растерялся и вместо того, чтобы отдать приветствие под козырек, выкинул руку вперед, как это делали фашисты. Его тут же схватили.

Помню, 23 февраля 1942 года, в День Красной Армии, нам доставили табак. Да какой - "Золотое руно"! Для курящих лучший подарок. Выдали по десять граммов. Решил покурить и я. Нас пять человек разведчиков и шестой командир, и мы договорились, что свернем одну самкрутку и раскурим ее на всех. Закурил первый, сделал две затяжки и передал мне, а я затанулся, и у меня все поплыло перед глазами. Я потерял сознание и упал. Так сильно подействовал табак. Меня трясло, оттирали снегом, прежде чем пришел в себя и сказал слабым голосом: "Вот это табачок!"

Окончание в следующем номере.

ЮРИЙ НИКУЛИН В СЕСТРОРЕЦКЕ

Материал подготовили к печати
нештатный корреспондент Евгений НИФАШЕВ
и журналист Сергей АКСЕНОВ,
"В курортном городе С."

Окончание. Начало в №№ 26, 27

ИЗ СЕРЖАНТОВ В РЯДОВЫЕ

Все время продолжались массированные налеты фашистской авиации на Ленинград. Мы по многу ночей не спали, отражая налеты. В одну из таких ночей наша батарея (одна из трех батарей дивизиона) заступила на дежурство и должна была быть в полной боевой готовности, с тем, чтобы по первой же команде открыть огонь. Наш комбат Ларин, жалея нас, сказал:

- Слушай, Никулин, - он обратился ко мне как к командиру отделения разведки, - пусть люди споят хотя бы часа три, а ты подежурь на позиции. Объявят тревогу - сразу всех буди. Ну, в общем, сориентируешься.

Так мы и сделали.

И надо же, именно в тот момент, когда все заснули, батарею приехали проверять из штаба армии. Приходят проверяющие на батарею и видят: все спят, кроме меня. Скандал возник страшный. И тут Ларин тихо-тихо мне:

- Выручай, Никулин. Скажи, что в двенадцать ночи я велел тебя будить, а ты этого не сделал, поэтому все и спят. Я тебя потом выручу, прикрою.

Я так и сказал. Наши ребята-разведчики возмутились:

- Да тебя под трибунал отдадут, ты что, сержант, с ума сошел?

Потом приехал следователь из особого отдела и выяснил, как все происходило. Я упорно стоял на своем.

После этого меня вызвали к командиру дивизиона. Он сказал:

- Зачем комбата покрываете?! Вы что, с ума сошли, знаете, чем это вам грозит?

Я продолжал упорно стоять на своем, мол, не комбата покрываю, а я сам во всем виноват. Тогда меня вызвали к начальнику штаба полка. Поехал я к нему.

Начальник штаба полка в упор спросил меня:

- Что, командира выручаешь?

И я честно во всем признался. Рассказал обо всем. Потому что любил начальника штаба и доверял ему. И ни меня, ни Ларина он не выдал, но за потерю бдительности и слабую дисциплину меня приказом разжаловали из сержанта в рядовые. Так я снова стал простым бойцом. А потом через два месяца, мне снова присвоили звание сержанта.

ВЕСНОЙ 1943 ГОДА

Однажды около станции Тарховка я увидел мужчину с небритым опухшим лицом. Он тонким голосом монотонно, с небольшими интервалами тянул одно и то же слово:

- Ку-ри-и-и-ть! Ку-ри-и-и-ть!..

Комсоставу тогда выдавали тоненькие папироски, так называемые "дистрофики", в которых табак замешивался пополам с листьями.

Какой-то капитан, сжалившись над несчастным, подошел к нему и дал такую папироску. Тот дрожащими руками взял ее, прикурил, затянулся... и как-то странно покачался, упал и умер!..

Весной 1943 года я заболел воспалением легких и был отправлен в ленинградский госпиталь. Через две недели выписался и пошел на Фонтанку, 90, где находился пересельный пункт. Я просился в свою часть, но, сколько ни убеждал, ни уговаривал, получил назначение в 71-й отдельный дивизион, который стоял за Колпином, в районе Красного Бора. В новую часть я так и не прибыл, потому что меня задержали в тыловых частях, примерно в десяти-пятнадцати километрах от дивизиона. И тут произошло неожиданное. Вышел я подышать свежим воздухом и услышал, как летит снаряд... А больше ничего не слышал и не помнил - очнулся, контуженный, в санчасти, откуда меня снова отправили в госпиталь, уже в другой.

После лечения контузии меня направили в Колпино, в 72-й отдельный зенитный дивизион.

□□□

На берегу Финского залива, там, где раньше стояли в котлованах пушки, а недалеко от них находились наши землянки, теперь все изменилось. Появились новые строения, дороги. На территории нашей батареи расположился рыболовецкий совхоз. В бетонных котлованах, нишах, где когда-то хранились снаряды, стояли бочки с горючим для катеров. Группа молодых парней разбирала рыболовные снасти и подозрительно наблюдала за мной.

- Чего ищешь? - спросил кто-то из них.

Я ответил, что когда-то здесь воевал и вот пришел посмотреть.

- А-а-а, - протянул парень, не то понимая меня, не то показывая, что привык к таким встречам, и продолжал заниматься своим делом.

Уходил я с бывшей огневой точки в подавленном состоянии. Тяня молча шла рядом. Снова нахлынули на меня воспоминания о прожитых годах войны, о пережитой ленинградской блокаде. Грустное это дело - приходить на места бывших боев.

...Каждый раз, работая в Ленинграде, ощущаешь особую нехватку времени. Во-первых, в городе много друзей. Со всеми хочется встретиться. Во-вторых - музеи, театры. Везде нужно побывать. А времени нет, и ты вынужден сидеть в душном цирке и репетировать. Репетировать приходилось много.

